

Елена Станиславская

МЛАДШАЯ СЕСТРА СМЕРТИ

Young
Adult

М100

МИФ Проза

Елена Станиславская
Младшая сестра Смерти

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2023

УДК 82-312.9(470+571)
ББК 84(2Рос)6-445.13

Станиславская Е.

Младшая сестра Смерти / Е. Станиславская — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2023 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-214004-6

Гонимая проклятием, Агриппина вместе с мачехой переезжает в старую квартиру своей бабушки в Питер. Случайно к ней в руки попадает загадочный свиток, перевязанный розовой лентой... Её приглашают пройти квест, вот только Агриппина еще не знает, что наградой будет место в одном из четырех обществ собирателей душ – прислужников самой Смерти. На чью сторону встанет Агриппина: жестоких бубен, милосердных трэф, справедливых черв или безумных пик? Готова ли она идти до конца и узнать всю правду о том, почему именно ее пригласили в игру? Для кого эта книга. Для читателей городского фэнтези. Для тех, кто хочет прочувствовать атмосферу таинственного и мрачноватого Петербурга с его укромными дворами-колодцами, туманами и болотами.

УДК 82-312.9(470+571)
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-214004-6

© Станиславская Е., 2023
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2023

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Переехать в Питер	9
Глава 2. Развязать розовую ленточку	14
Глава 3. Выпустить сатира Сен-Жермена	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Станиславская

Младшая сестра Смерти

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Елена Станиславская, 2023

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

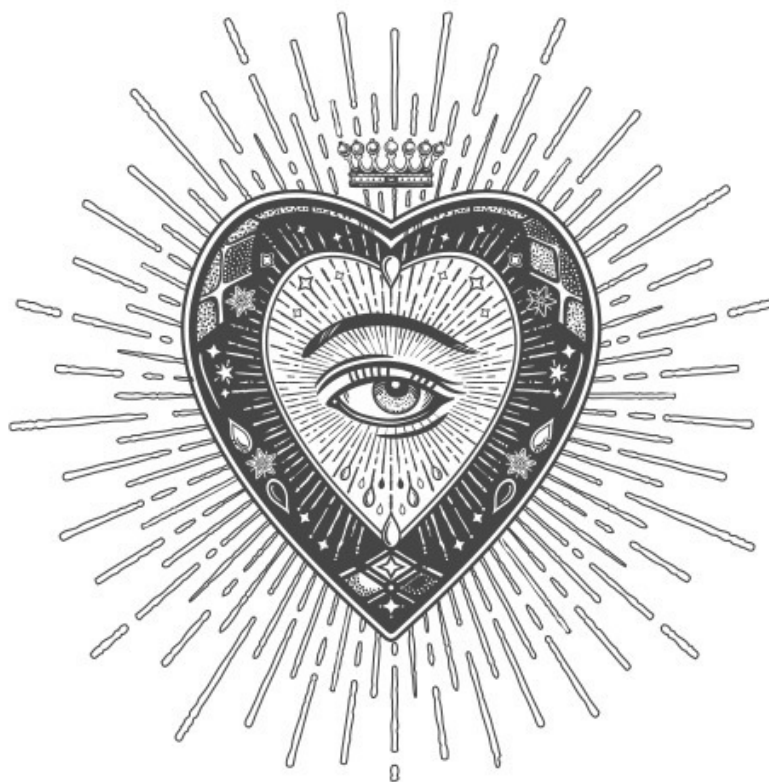
*Городу, который украл и разбил, а потом склеил и вернул мое
сердце. Но оставил себе осколок*

Пролог

Мое имя Агриппина, но все зовут меня Грипп. И в этом есть смысл.

Каждый год от гриппа погибает около шестисот тысяч человек. Как и мой тезка, я тоже убиваю людей. Пусть не так много, но счет уже идет на десятки.

Хотела бы я остановиться. Не причинять боль. Не нести смерть. Вот только понятия не имею, как это сделать. Остается только одно...

Глава 1. Переехать в Питер

Машина резко подпрыгивает, и я вскрикиваю от боли. Рука, высунутая из окна, чуть не переламывается пополам. Голова врежется в потолок.

– А я говорила, приberi клешню! – Для Кристины, моей мачехи, вполне нормально вот так рявкать. – Тут ухаб на ухабе. Гореть им в аду, работничкам хреновым! У них была одна задача: нормально положить асфальт, но они ее провалили. Криворукие обезьяны! – Крис продолжает ругаться на чем свет стоит.

На самом деле мачеха у меня совсем неплохая. Даже хорошая. Но только не за рулем. И не во время работы над очередным проектом. И не с людьми, которые ее бесят.

– Окей, руку убрала. А с головой что делать? – Я потираю ушибленную макушку. – Спрятать в бардачке?

– Голову могла бы оставить дома. Все равно не пользуешься. – Крис фыркает и, высунувшись из окна, орет на проезжающий сбоку автомобиль: – Куда прешь, кретин?!

– Дом, – задумчиво повторяю я. – Если бы он у меня был.

– Не говори ерунды. – Мачеха напрягается. – У нас теперь будет два дома. Один в Краськове, второй в Питере. А если тебе не понравится в большом городе, в чем я сильно сомневаюсь, мы вернемся в поселок. – Ее голос смягчается. – Даю слово, Грипп.

Я не отвечаю и смотрю в окно на проплывающие мимо опоры линий электропередачи – эйфелевы башни, которые мы заслужили. Раньше в вышках мне чудилась провинциально-индустриальная романтика, но теперь при виде них ноет сердце и бегут мурашки.

Однажды такая опора рухнула рядом со мной. Мы с Лизкой гуляли на окраине поселка. Был ноябрь, и в воздухе уже пахло зимой. Жухлая трава, поседев от инея, хрустела под подошвами. Сверху лился высоковольтный гул, низкий и тревожный. Я подняла лицо к небу и поймала тот самый момент, когда металлическая громадина покачнулась, как мачта, и устремилась вниз. Нужно было бежать, но меня точно парализовало. Затрещали провода, раздался грохот. Во все стороны брызнули стальные детали и куски земли. Меня не задело, а вот Лизку...

Натягиваю поглубже капюшон толстовки и отворачиваюсь от окна.

Интересно, было ли в моей жизни время, когда *это* не происходило? Вряд ли.

А будет? Ответа нет.

Ухабистая дорога кончается, и перед нами расстилается трасса. Крис выдыхает, немного расслабляется и откидывает волосы на спину – они длинные и черные, как у ведьмы. И это в придачу к зеленым глазам и способности есть что угодно, не толстая.

Нас ждут восемь или девять часов дороги. За все свои шестнадцать лет я ни разу не ездила на такие дальние расстояния, но почему-то отлично представляю, чего ожидать.

Мы будем ехать молча, если не считать периодической ругани Крис в адрес других водителей. На полпути остановимся в придорожной забегаловке. За прилавком – дородная продавщица, на столах – полиэтиленовые скатерти, засиженные прошлогодними мухами и проштампованные кружочками протекшего кофе. Крис закажет что-то неудобоваримое, например щи из квашеной капусты. А я возьму пирожок с картошкой и приторный «три в одном». Мой

липкий след, мой кофейный штамп тоже должен остаться на скатерти. Потом Крис повздорит с какими-нибудь дальнобойщиками, выбрав особо устрашающих на вид, и мы поедем дальше. Всю дорогу в машине будут попеременно петь Nick Cave и Morphine, изредка уступая место тишине.

Я скребу ногтями по руке – всегда чешусь, когда нервничаю. Кажется, под кожей копошатся жуки. Бр-р.

Не хочу в Питер. Любая девчонка хочет – по крайней мере, такое впечатление складывается из соцсетей, – но только не я.

Там слишком много людей. Слишком много жизни. Привезти меня туда – почти то же самое, что выпустить голодного тираннозавра в толпу. Но Крис этого не понимает. Даже то, что случилось с отцом, не убедило ее.

Наверное, Крис поверит, что я опасна для окружающих, лишь тогда, когда сама окажется на волосок от смерти. А я возьму и оборву его...

Нет, так думать нельзя.

Наше путешествие проходит в точности, как я предсказываю. Для этого не нужно быть экстрасенсом, достаточно знать Крис и следить в соцсетях за моим братцем Изи – любителем автостопа и российской глубинки.

Придорожная кафешка, грязные скатерти, спор с дальнобойщиками из-за орущего на всю забегаловку телика, а в машине – Children¹ и The Night². На придорожных знаках тают цифры километража. Восемь с половиной часов проходят на удивление быстро, и вот в полной тишине мы въезжаем в Питер.

Ноги – и не только они – ноют от долгого сидения. И внутри тоже ноет, но сладко и волнующе. Меня кидает от страха к нежности, от грусти к восторгу. Я прилипаю к окошку, чувствуя, как от переизбытка чувств сжимается диафрагма. Внутри вот-вот случится локальный большой взрыв.

Вначале мы едем по Московскому проспекту, и все вокруг действительно напоминает Москву. После домов в поселке «сталинки» кажутся верхом архитектурной мысли, почти небоскребами. Симпатичный район, но я чувствую, что это не настоящий Питер. А настоящий впереди. Мы вырливаем на Садовую – и город поворачивается ко мне лицом. Отовсюду смотрят желтые и розовые фасады. Почти на каждом – темный налет: то ли плесень, то ли выхлопные газы, то ли следы времени. Сердце томится в груди, как мясо в горшочке. Приготовится – и город одним махом проглотит его.

Черт. Боже. Как тут красиво.

Я не люблю новые, выхолащенные дома. Не люблю бетонно-зеркальный хай-тек. Мне по душе то, что строили столетия назад, – и желательно, чтобы с налетом мрачности. Не тотальная разруха, нет-нет, а легкое запустение. Как паутинка между рамами старого окна. Да, если в доме есть паутина, он кажется мне куда уютнее, чем тот, где дважды в неделю делают генеральную уборку и поклоняются КонМари³.

Мы въезжаем на мост. Значит, уже скоро. Бабушкина квартира находится на Петроградском острове, а, судя по навигатору в телефоне, по нему мы и едем. В окне мелькает фантастический белый дом с башнями, похожий на средневековый замок, и машина сворачивает налево.

Интересно, откуда Крис знает дорогу? Она же никогда не ездила к бабушке, даже знакома с ней не была, что, в общем, абсолютно нормально. С чего бы мачехе знакомиться с маминной мамой? И все-таки как ловко она заруливает. Может, заранее изучила маршрут на гугл-картах?

---

¹ Исполнитель – Nick Cave. *Здесь и далее примечания редактора.*

² Исполнитель – группа Morphine.

³ Мари Кондо, автор бестселлера об организации домашнего пространства.

Не успеваю обдумать эту мысль, как машина сбавляет ход и останавливается возле железных ворот.

– Иди открывай. – Мачеха протягивает связку ключей.

Я подхожу к воротам и озираюсь в поисках замка, но его нет. Запоздало понимаю, что не уточнила у Крис, какой нужен ключ, а их, между прочим, восемь. Плюс непонятный крохотный пульт, будто от мышиного телевизора.

Даже если я обнаружу замок, подбирать ключ, с моей-то везучестью, я буду очень долго.

Уже собираюсь позвать мачеху, но тут из-за решетки раздается:

– Ждешь кого-то?

Сквозь прутья смотрит парень. Он похож на уставшую птицу: круглые глаза под припущенными веками, хищный нос с горбинкой и растрепанные перья волос. Теневые полосы от забора расчерчивают его лицо.

«Сокол в клетке», – мелькает в голове, а вслух я мямлю:

– Хочу открыть ворота.

– Силой мысли? – Парень хмыкает и толкает калитку. – Используй пульт.

Так вот для чего нужен мышиный пульт! Никогда бы не догадалась.

– Грипп, ну долго еще? – негодует Крис.

– Грипп? – слышу я над самым ухом.

Вздрагиваю и роняю ключи. Когда парень-птица успел подкрасться ко мне? Он приседает, подбирает связку и нажимает на кнопку. Раздается щелчок, и ворота медленно открываются. Мы отходим в сторону, пропуская машину. Парень стоит совсем близко, и я чувствую запах кожи от его косухи. Вкладывая связку ключей в мою ладонь, он вполголоса спрашивает:

– Ты беленькая? – Глаза не мигают, лицо напряженное.

– В смысле? – Я невольно хватаюсь за лицо: щеки побледнели?

– Фамилия у тебя Беленькая? Ты внучка Нонны Юрьевны?

– Нет. Я Петрова. – Вот уже два года, как я ношу бабушкину фамилию, а произносить ее по-прежнему непривычно.

Брови парня взлетают. Взгляд становится цепким и внимательным. Черты заостряются. Будь у него крылья, они бы сейчас распахнулись за спиной. Вылитый хищник, углядевший мышь-полевку.

Мне не по себе. С трудом удерживаюсь, чтобы не отвести глаза и не попятиться.

Нет, не дождется. Распрямляю плечи и с вызовом смотрю ему в лицо.

– Грипп Петрова. – Парень-птица растягивает губы. – Какое литературное имя.

– В смысле? – повторяю я.

Он хмыкает, пожимает плечами и уходит.

Пока я бреду через арку двора, длинную и низкую, словно тоннель, меня не покидает тревожное чувство. Парень-птица знает, кто я? Он удивился, услышав мою фамилию, а потом, кажется, вышел из себя – пусть и всего на мгновение. Может, он знал бабушку? Или просто почувствовал угрозу? Тут что-то не так.

От параноидальных мыслей меня отвлекает Крис.

– Предлагаю взять самое необходимое, а за остальным спуститься завтра, – говорит она, выглядывая из-за дверцы багажника. – Вряд ли в доме есть лифт, а надрываться не входит в мои планы. В них входят только пицца и вино.

– Почему ты не сказала, что ворота открываются пультом? – ворчу я.

– Мне-то откуда знать? – Мачеха всплескивает руками и тут же усмехается: – Я такая же деревенщина, как и ты.

Тут Крис лукавит. Она родилась и выросла в Москве, а «деревенщиной» стала после знакомства с моим отцом.

– Зато ты успела поболтать с симпатичным пареньком, – игриво добавляет она.

Хочу съязвить в ответ, но на ум ничего не приходит.

После недолгих препирательств мы вытаскиваем из багажника два чемодана с одеждой, пылесос и коробку с бытовой химией. Бабушкина квартира пустует слишком долго, так что Крис уверена: ночевать там, не прибравшись, опасно для здоровья.

Одной рукой я волочу пылесос, второй чемодан. Хорошо, что и у того, и у другого есть колесики, но на лестнице от них проку не будет.

Подъезд – или правильно парадная? – встречает прохладой, тишиной и запахом роз. Удивленно смотрю на Крис: она тоже чувствует аромат цветов?

– Культурная столица, – говорит мачеха. – В подъезде пахнет розами, а не кошками, в каждой квартире живут бывшие графья, а на крыше небось библиотека. Ну а лифта, как я и думала, нет.

Подхватив свою ношу, я ползу вверх по лестнице. Ступени гладкие, истертые тысячами подошв и потому ненадежные, а ноги после поездки деревянные. Поднимаюсь медленно, чтобы не поскользнуться, и поглядываю по сторонам.

Потолок украшает лепнина – незамысловатая, всего лишь геометрические узоры, но все равно красивая. На полу лежит шахматная плитка – сохранилась неплохо, лишь кое-где по черно-белым квадратам выются трещинки. В окна льется желтый и теплый, как ромашковый чай, свет. Повезло, что напротив стоит дом-малютка, не преграждающий солнцу путь. В целом-то улица довольно узкая, и на ней сумрачно.

За спиной раздается шум: что-то падает и катится, а Крис гневно каркает матом. Резко оборачиваюсь, нога соскальзывает со ступеньки, и я чудом не грохаюсь с лестницы. Повсюду валяются разноцветные флаконы. Мачеха пинает спрей для мытья окон и поднимает на меня глаза.

– Дно коробки провалилось, – поясняет она. – Я схожу за пакетами и соберу тут все, а ты иди в квартиру.

– Дать ключ от подъезда?

– Не, в «чайке» есть второй.

«Чайкой» Крис называет свою «тойоту».

Я киваю и продолжаю подъем.

На каждом этаже всего по две квартиры. Кое-где блестят железной броней новые двери, но в основном сохранились старые – высокие, двустворчатые, скорее всего дореволюционные. Поднимаюсь на четвертый этаж и застываю. Дверь справа приоткрыта и покачивается от сквозняка. По голым щиколоткам тянет нехорошей прохладой мокрого леса. Она цепляется за ноги и лезет вверх по спине.

Сбоку, под кнопкой звонка, я замечаю серебряную табличку: «Бѣленькіе».

Значит, тут живет Нонна Юрьевна, за чью внучку меня принял парень-птица. Не успев как следует подумать, жму на звонок: надо предупредить соседку, что дверь не заперта, а то мало ли. Мелодичная трель растворяется в тишине. Сквозняк шире открывает створку, зазывая в гости.

– Нонна Юрьевна! – окликаю я.

Ответа нет. Смотрю вниз на лестничный пролет, надеясь позвать Крис, но она еще не объявилась.

Вдруг соседке стало плохо? Пожилых людей подстерегает больше опасностей, чем персонажей в героическом фэнтези: гоблин инфаркта, тролль инсульта и черт знает что еще.

Со мной всегда так: когда волнуюсь, в голову лезут всякие глупости.

Оставив пылесос и чемодан на площадке, я решительно вздыхаю и вхожу в квартиру.

Пахнет влажной землей. Повсюду стоят и висят горшки с растениями – вдоль стен, на стенах, и я не удивлюсь, если внутри стен, стоит расковырять их, тоже обнаружатся какие-

нибудь носители хлоропластов. Тут настоящие джунгли. Много глянцевой и выющейся экзотики, но есть и простая рассада в обрезанных тетрапаках.

Пока я крадусь по длинному коридору, продолжаю звать хозяйку. Под ботинками скрипят половицы, передразнивают: «но-юри-ва», «но-юри-ва». А еще похрустывают палые листья и семена.

Заглядываю на кухню и в ванную – хорошо хоть, все двери открыты. Никого не нахожу и в сопровождении влажных сквозняков иду дальше.

Когда я переступаю порог комнаты, кажется, все растения, что находятся в ней, поворачиваются ко мне. С подоконника внимательно смотрят анютины глазки. Со шкафа тянут лапки выюны. С комода, стоящего возле кресла, раззявят бордовые орхидеи. А за ними что-то белеет.

Лицо.

Я шагаю в сторону, чтобы избавиться от навязчивых орхидей, и вижу: в кресле сидит старуха в полосатом красно-черном халате. Рот скособочен и приоткрыт. Голубые стекляшки глаз смотрят прямо перед собой. Она мертва, это я знаю абсолютно точно.

Неужели началось?

Где я – там и смерть. Где смерть – там и я.

Разворачиваюсь и бегу прочь, сшибая цветочные горшки.

Глава 2. Развязать розовую ленточку

С полицейскими и врачами скорой помощи Крис разговаривает сама. Еще до их приезда она решает: «Скажу, что это я ее нашла, чтобы тебя не дергали» – и отправляет меня в бабушкину квартиру, а сама спускается во двор.

Ключ со второй попытки попадает в скважину. Дверь открывается с громким и странным звуком, будто чмокает воздух пересохшими губами. В лицо ударяет сладковатый запах старых книг. Я заволакиваю в квартиру чемодан и пылесос, оставляю их у входа, как сторожей, а сама отправляюсь на поиски ванной – нужно срочно поплескаться холодной водой в лицо.

Давненько я не видела мертвых. С тех пор как Лизку убило опорой ЛЭП. Сравнивать соседку и Лизку, конечно, неправильно... хотя, с другой стороны, почему? И тогда, и сейчас произошло одно и то же: была жизнь, а теперь ее нет. Фьють – и вылетела. Легко, безвозвратно.

В носу и глазах начинает пощипывать. Нет, Грипп, давай-ка без слез. Провожу дрожащими пальцами по предплечью, раз, другой. Не до крови, но ощутимо. Кажется, отпускает.

Из крана льется злое шипение, но не вода. Я закручиваю вентиль и прижимаюсь лицом к овальному зеркалу над раковиной. Щеки впитывают блаженную прохладу.

– Пожалуйста... пожалуйста, – шепчу я, оставляя на отражении облачко мути, – пусть она умерла не из-за меня.

«Ты Беленькая?» – всплывает в памяти.

Я отстраняюсь от зеркала. Парень-птица. Он живет тут? Или навещал Нонну Юрьевну? Он ушел, когда она еще была жива?

Внутри покалывает беспокойство. Побегать вниз, рассказать про парня полицейским? Отражение хмурится и качает головой. Лимит «мне есть до этого дело», похоже, исчерпан. Не хочу ломать комедию, изображать Нэнси Дрю или, что еще хуже, равнодушную гражданку. Старушка умерла, ей не помочь. Парня, если он причастен к ее смерти, полиция пусть ловит сама. А я тут ни при чем.

Ни при чем.

Ни при чем!

Если повторю десять раз, поверю?

Чтобы отвлечься, я иду осматривать бабушкину квартиру.

Исследование чужого жилья – а мамину маму я совсем не знала – действительно помогает забыться. Будто шастаешь по эскейп-рум⁴ в поисках ключей и подсказок. Ищешь ответы на вопросы, которые подкидывает пространство. О чем грустит громадина резного буфета? Какие тайные послания сжигали в печи, притаившейся в углу глянцевым зеленым драконом? Что изображено на темной-темной картине, висящей в темном-темном углу: кочан капусты и пять морковок или отрубленные голова и пальцы?

---

⁴ Вид игры-квеста, в которой участники должны решить различные интеллектуальные головоломки и ребусы, чтобы выбраться из закрытой комнаты.

Квартира бабушки – совсем не то, что представляется, когда слышишь слова «квартира бабушки». Никаких бесконечных ковров, бессмысленных сервантов, зачерстевших ирисок и круп с жучками. Никакого ненужного барахла, скопленного за годы одиночества. Минимум мебели, в основном антиквариат. Минимум вещей, но каждая из них – сокровище: латунный подсвечник, зингеровская машинка на изящных чугунных ножках, одинокая чашка, увитая золотистым узором, с печатью внизу: Imperial Porcelain St. Petersburg.

Местное квартирное время явно отстает от общемирового. А может, оно и вовсе давно застыло – муравчиком в янтаре. Следов современности не наблюдается. Да что там современности! Советского Союза – тоже, если не считать холодильник «Москва», гладким пломбиром белеющий на кухне. В квартире царит девятнадцатый век. Ну может, начало двадцатого. Даже телика нет, что для жилища одинокой старушки вообще нонсенс.

Я перехожу из комнаты в комнату под пристальными взглядами незнакомцев – на каждой стене висят старые фотографии. Групповые портреты, одиночные, анфас, профиль – толпа черно-белых наблюдателей, кое-где покрытых пятнышками цвета сепии. Наверное, это моя родня. Вот два карапуза в шубках, похожие на медвежат. Может, один из них – мама? Почему-то мне хочется в это верить. Я разглядываю фото детей, пытаюсь уловить знакомые черты, и вдруг впервые задумываюсь: как странно, что в квартире маминной мамы будет жить Крис.

Фыркаю. А не странно, что я сама живу с Крис, не родным по крови человеком, и это при живом-то отце?

Иногда мое сердце переполняет благодарность к мачехе. Вначале она не побоялась выйти замуж за вдовца со сложным характером и «прицепом». Научилась общаться со мной и взвалила на себя уйму обязанностей: походы на родительские собрания, помощь с домашкой и прочую муру. Потом, когда отец уехал, мачеха осталась со мной, хотя могла собрать вещишки и рвануть на все четыре стороны. Я до сих пор не знаю, почему она так не сделала. Почему не испугалась ни за себя, ни за Изи и все-таки решила жить со мной. Не бросила во второй и последний раз. Мы не разговаривали на эту тему и вряд ли когда-нибудь поговорим.

Но иногда вместо благодарности я испытываю к Крис непонятное, смешанное и довольно гадкое чувство. Нечто вроде подозрения. В чем именно я подозреваю ее? Сама не знаю. Просто заползает в голову всякое. Когда замечаю ее тяжелый взгляд, или мы ругаемся, или она отпускает в мой адрес особо колкую шуточку, в мозгу взрывается конспирологический фейерверк. Нет, я не думаю, что мачеха иллюминат или рептилоид. Я ищу скрытые мотивы. Что ей нужно от меня? В чем ее выгода? Ведь не может быть, чтобы просто так...

В общем, я никак не могу определиться, как отношусь к Крис.

А ее между тем все нет и нет.

Я еще раз прохожу по квартире, выбирая свой угол – место, куда забьюсь, как в нору, и буду переживать это время. Время моей жизни. Останавливаюсь на комнате-пенале, небольшой, зато с двумя окнами. Тут нет кровати, но есть какая-то лежанка, довольно узкая. Ничего, помещусь. Лежанка обита тканью болотного цвета, а понизу золотится бахрама. Соседнюю стену занимают стол со множеством ящичков и высокий шкаф. Мне нравится, что они тоже слегка золотистые, светлые, в других комнатах мебель темнее.

Чтобы застолбить место, прикатываю сюда чемодан. Включаю свет и удивляюсь, что в комнате не так уж грязно. Хотя чего тут удивительного? Грязь – она от людей, а тут уже давно никто не живет.

– Грипп!

Ну наконец-то! Выбегаю на голос. Крис стоит в коридоре и разглядывает настенное зеркало. Пылесос окружают пакеты, набитые чистящими средствами.

– Ты глянь, какая рама. – Мачеха касается пальцами деревянных листочков: багет увит виноградной лозой. – В любом антикварном с руками оторвут.

– Ну что? – спрашиваю я. – Как все прошло?

Крис замечает мое нетерпение и поднимает брови.

– А что ты хочешь узнать?

Я и сама не знаю.

– Ну, спросили о переезде, паспорт посмотрели, бумажки какие-то дали подписать. И все. – Мачеха пристально смотрит мне в глаза, а потом непринужденно предлагает: – Пошли съедем пиццу. Я жутко голодная. Только в тубзик забегу.

– Воды нет.

– Ну конечно, нет. – Крис усмехается: в сумраке влажно вспыхивают зубы. – Ее же включить надо. Какая же ты еще маленькая.

Пока мы спускаемся по лестнице, Крис, уткнувшись в смартфон, ищет в интернете ближайшую пиццерию. Дверь в квартиру Беленькой закрыта, но скорая помощь и полицейский автомобиль все еще во дворе.

Выходим на Малый проспект. Серое небо расчерчено проводами. Ветер пытается сделать мне укладку, но с короткой пикси не разгуляешься. С Крис у него больше шансов, но она прячет волосы под шарф. Холодно. Надеюсь, тут не всегда так – на дворе-то середина мая. Надевать капюшон не хочется, хотя уши и лоб мерзнут. Странно, но в этом есть что-то приятное.

Мы с Крис обсуждаем вывески и витрины: для нее это – профессиональное, а для меня – просто забава. Встречаются симпатичные, но чаще нелепые типа «Планета сумок» и «Вселенная посуды». У ресторанчика, который выбрала мачеха, с оформлением все в порядке. Правда, вывеска жутковатая, с отрубленной головой горгоны Медузы – выглядит мрачно, но стильно.

Внутри уютно, а от официантки, полной девушки на пару лет старше меня, волнами исходит дружелюбие. Крис с ходу заказывает бокал красного вина и, уточнив, что я буду пить, стакан апельсинового сока. Затем погружается в изучение меню. Право выбора еды – всегда за ней. И она обязательно должна заказать какое-то особенное, неординарное блюдо. Это наша маленькая традиция, сложившаяся во время редких поездок в Москву. Когда официантка возвращается с напитками, Крис хитро подмигивает мне и просит пиццу с брезаолой и страчателлой. Девушка хвалит выбор и уходит.

– Понятия не имею, что это, но звучит обалденно. Как будто мы правда в Италии. – Мачеха вздыхает и поднимает бокал. – Ну, за переезд! И пусть смерть неизвестной старушки не омрачит нам этот чудесный день.

Бокал стучается о стакан.

Пицца слегка разочаровывает размером, но не вкусом. Съедаю один кусочек, чтобы Крис больше досталось: она любит сытно поесть, а я почти не голодна.

Ресторанчик заполняется людьми, и мне становится не по себе. Чувствую вину и легкое раздражение. Да, чтобы кому-нибудь навредить, мне вначале нужно с ним сблизиться. По крайней мере, так было раньше. Но что, если правила изменились? Зараза мутировала и теперь способна поражать незнакомцев? Таких, как Беленькая...

Крис только-только заказала второй бокал и скроллит в телефоне. Наверняка листает фотки Изи. Я ерзаю на стуле. Людей уже так много, что официанткам приходится отказывать новым посетителям. Рядом с нами размещается толпа подружек. Поглядываю на них искоса и невольно считаю. Их семь. Семь девушек. Примерно моего возраста.

Мне становится тяжело дышать. Хватаю салфетку, промакиваю лоб и спрашиваю Крис:

– Ничего, если я пойду домой?

– М-м? – Мачеха поднимает глаза.

– Пойду, говорю. Всю дорогу сидела и опять сижу. Пятая точка уже отваливается. Хочу повалиться.

– Ты в порядке? – уточняет Крис.

Я понимаю, о чем она, но изображаю недоумение.

Мачеха качает головой и откладывает телефон.

– Та бабка умерла просто от старости, – с нажимом произносит она. – Не накручивай себя.

Я какое-то время смотрю на Крис, потом встаю, надеваю джинсовку, выправляю капюшон толстовки и говорю:

– Ну, я пошла.

– Грипп.

– Все нормально. Я просто устала. Правда.

– Посиди еще немножко. Закажем десерт.

– Нет!

Мой ответ звучит резковато. Семь девушек, сидящих за соседним столом, поворачиваются на голос. Кинув на них взгляд, я вжимаю голову в плечи и спешу к выходу. В мозгу неомом горит приказ: «Не думать про „Великолепную семерку“!»

Дорогу я вроде запомнила, но все равно с трудом нахожу бабушкин дом. Плутаю по улицам, похожим и непохожим друг на друга, как близнецы, одетые и причесанные по-разному. Ветер совсем разошелся, и зубы отбивают дробь. Уже решаю заглянуть в карту, но тут вижу табличку с названием нужной улицы.

Подойдя к воротам, я замечаю, что между прутьями что-то белеет. Присматриваюсь. Да это же свиток, перевязанный розовой атласной ленточкой! На ткани золотятся слова: «Новенькой».

Новенькой?

В каком смысле?

Это послание адресовано мне?

Я ведь тут новенькая. Новее не придумаешь. Только сегодня приехала.

Может, это такой добрососедский ритуал? Или проделки местного сумасшедшего?

Хватит вопросов! Я вытаскиваю из кармана озябшую руку и беру свиток. Он невесомый, бумага нежная и свежая на ощупь. Подношу к лицу. Тот же запах роз, что и в подъезде. Значит, послание точно оставили соседи.

Ох, надеюсь, там не список правил: чему, кому и как подчиняться. Мне вспоминается эпизод из «Секретных материалов», любимого сериала Крис, где Малдер и Скалли изображали семейную пару и выводили на чистую воду жителей идеального с виду поселка.

За спиной визжат шины, и я оборачиваюсь на звук. Девушка, затянутая в кожу, спрыгивает с мотоцикла и прет прямо на меня. Шаг чеканный, но в то же время грациозный – не знаю, как такое возможно. Она будто выскочила прямиком из аниме – сама тонкая, хлесткая, а грудь того и гляди разорвет кожанку. На голове мотоциклистки красный шлем с кошачьими ушами – в жизни не видела ничего более крутого. Немудрено, что я замираю с раскрытым ртом.

Одну руку в черной перчатке она тянет ко мне, а другой поднимает заслонку на шлеме. Глаза у нее точно два горящих угля в серебристой золе подводки.

– Дай сюда! – гулко доносится из-под шлема. – Живо!

Приказной тон действует на пай-девочку, живущую внутри меня: хочется подчиниться и протянуть мотоциклистке свиток. Но я не делаю этого. Как там завещал классик? Надо по капле выдавливать из себя раба. Наверное, поэтому я прижимаю ключ-таблетку к выемке, прыгаю за ворота и тяну калитку за собой, чтобы она поскорее закрылась. Щелк! Если мотоциклистка живет тут, мне хана. Сейчас откроет, догонит, повалит и забьет ботинками. Чутье подсказывает: она может.

Я бегу по тоннелю. Шагов за спиной вроде не слышно, но сердце так бухает, разве тут разберешь. Оборачиваюсь на ходу. Незнакомка стоит у калитки и смотрит мне вслед, слегка покачивая головой.

А может, свиток – это любовная записка, адресованная ей?

Ха, скорее инструкция, как ограбить банк.

Оглядываюсь снова. Кошачьи уши больше не маячат за воротами. Мотоцикл срывается с места и исчезает из виду.

Я несколько секунд стою на месте, ошарашенная своей то ли глупостью, то ли дерзостью. Свиток нежно лежит в ладони. Не знаю, как объяснить, но, стоило мне взять его, я почувствовала: он мой. Поняла, что нельзя его отдавать.

Может, питерский воздух толкает людей на странные поступки? Неспроста же его закатывают в банки и продают как сувенир. Одна такая баночка стояла в серванте в доме моей подруги. Давно это было. Тогда со мной еще дружили. Вернее, делали вид.

Мне не терпится развязать ленту, но я решаю, что лучше подняться в квартиру. В доме слишком много окон, выходящих во двор, а я хочу обойтись без свидетелей. Тем более начинает капать дождь.

Влетаю на пятый этаж с прыткостью Пиноккио, ставшего наконец настоящим мальчиком, – ноги были деревянными, а теперь очухались и запружинили.

Прямо в кедах прохожу в свою комнату, сажусь на лежанку и тяну за розовый атласный хвостик. Свиток раскручивается, но не до конца. Кладу его и распрямляю руками.

Всего одна строчка. Написана каллиграфическим почерком, но с крохотной кляксой в конце. Читаю:

Твое первое задание: выпустить сатира Сен-Жермена.

Перечитываю три раза и ощущаю, как в груди растет разочарование. Не знаю, чего я ждала, но точно не этого. Неприятно, будто заглянула в чужую переписку. Похоже, так оно и есть. Собственные чувства обманули меня: свиток не должен был попасть в мои руки.

Скорее всего, мотоциклистка с друзьями играет в уличный квест и собирает задания, гоняя по городу. Представляю, как она удивилась, когда одну из задач умыкнула какая-то девица.

Я словно вижу себя глазами мотоциклистки. Вот она, воровка свитков, во всей красе. Ясные круглые лупешки, не замутненные интеллектом. Курносый нос с вечными конопушками. Торчащие волосенки, вкривь и вкось постриженные в провинциальной парикмахерской. И огромная потертая джинсовка, в которой утопают косточки. Жалкое зрелище.

Ну что ж. Девушка в кошачьем шлеме позлится, расскажет обо всем друзьям, они поржут вместе – и все забудется. Это вообще моя мантра по жизни: не волнуйся, о тебе не будут помнить долго, позубоскалят за спиной, и все уляжется.

Вытащив из пакета мыло, я направляюсь в ванную, благо Крис включила воду. Потом вставляю наушники, включаю пылесос и прохожусь по всем комнатам. Заканчиваю на коврик у входной двери и наконец разуваюсь, оставаясь в носках с принтом в виде арбузных долек.

Дверь открывается, и входит Крис. От нее пахнет вином и шоколадом, в руках коробочка.

– Тирамису, это Грипп. Грипп, это тирамису, – торжественно произносит она.

Глаза у Крис стеклянные. Не думаю, что от выпитого. Скорее от усталости. Я беру коробку, отношу на кухню, ставлю в холодильник и возвращаюсь. Крис возится с молнией на сапоге.

– Ну как ты тут? – Она поднимает взгляд.

– Да вот, – шаркаю ногой по полу, – пропылесосила.

– Супер. Значит, я не зря притащила тебе тортик. Заслужила. – Крис улыбается, но кривовато и вымученно. Я думаю, это из-за молнии – из-за того, что ее заело, – но все оказывается гораздо хуже.

– Родион звонил, – признается мачеха.

Чувствую, как каменеет лицо. Первая мысль: не хочу ничего знать. Вторая... а второй просто нет. Пустота.

– Ты взяла трубку? – помедлив, уточняю я.

– Это не я взяла, а три бокала «Россо», – пытаюсь пошутить, оправдывается Крис. – В общем, он спросил, как мы добрались...

– Не хочу ничего знать, – отчеканиваю я.

Крис кивает и наконец справляется с сапогом.

Родион – мой отец. И тот человек, кто открыл мне правду. Сказал прямо в лицо: «Ты проклята и опасна для окружающих. Мне придется тебя...» Задавливаю воспоминание, но оно все лезет и лезет. Проверенный способ избавиться от него – уткнуться лицом в подушку, закусить ее зубами и порычать. Оказавшись в своей комнате, я так и делаю.

Глава 3. Выпустить сатира Сен-Жермена

Запах свежего, только из коробки, постельного белья почему-то мешает мне заснуть. Ворочаюсь с боку на бок, рискуя свалиться на пол. Похоже, придется уступить бессоннице. Беру телефон, хотя отложила его минуту назад, и держу в ладони, не включая. Что делать-то? Слушать или смотреть ничего не хочется, да и лень искать наушники. Фотки Изи – он сейчас в Новосибирске, на пути к Байкалу, – уже изучены вдоль и поперек. А больше друзей у меня нет. В подписчиках – случайные люди и пара бывших одноклассниц.

Как-то раз я услышала фразу: «Если тебя нет в соцсетях, значит, тебя просто нет». Давно пора удалить аккаунт и исчезнуть. Только возможность подглядывать за жизнью брата останавливает меня.

Ладно, хватит рефлексии, лучше займусь просвещением. Зажигаю экран и набираю в поисковике: «сен-жермен». Оказывается, был такой граф и авантюрист. В Википедии нет ни слова про сатира, зато много про политические интриги и алхимию.

Снова захожу в гугл и пишу: «сен-жермен сатир питер». Появляются фотки какого-то дома, окруженного деревьями. О, еще и фонтан во дворе. Симпатично.

Открыв первую попавшуюся статью, я узнаю, что в Питере есть садик «Сен-Жермен». Там когда-то тусовались Ахматова и Шалапин, а потом Гребенщиков и Цой. Листаю фотографии дальше и тут натываюсь на изображение каменной рожи с тремя подбородками и распахнутым ртом. Внутри поднимается волнение, будто не только я смотрю на странное существо, застывшее в немом крике, но и оно смотрит на меня. Не сатир ли это? Интуиция подсказывает: он самый!

Под рожей написано: *Domus propria domus optima*. Я быстро нахожу перевод: «Свой дом – лучший дом». Еще поисковик предлагает русский аналог: «В гостях хорошо, а дома лучше». Сразу же вспоминается коттедж в Краскове. Когда я была маленькая, он определенно мог претендовать на звание лучшего места в мире. Там жило счастье. Но потом оно умерло и начало разлагаться. А мертвое счастье – это даже хуже, чем никакого.

В голову врываются воспоминания. Раздается стук молотка: отец заколачивает окно. Я, десятилетняя, просыпаюсь от собственного крика, увидев во сне, что по стенам комнаты струится кровь. Сухие сучки впиваются в спину, когда я прижимаюсь к дереву, и топор вгрызается в ствол – так близко к шее, что яремная вена чувствует холод стали.

Какое-то время я грызу подушку, чтобы успокоиться. Потом встряхиваюсь по-собачьи, сохраняю фотку сатира в телефоне, отмечаю садик «Сен-Жермен» на карте и твердо решаю навестить туда завтра. Хорошо, что Крис подбила мой график домашнего обучения, и у меня есть несколько дней для исследования города. Главное, чтобы она не увязалась со мной.

А теперь – спать. Откладываю мобильник, закрываю глаза, расслабляю тело...

Мозг отвечает: ага, щас.

Под закрытыми веками всплывает, как окошко с рекламой, парень-птица. Он разевает клюв и чирикает: «Какое литературное имя». Я опять беру телефон и набираю в поисковике: «Грипп Петрова». Мне предлагается книжка с похожим названием, начинаю читать бесплат-

ный фрагмент и вдруг чувствую, что лежанка подо мной становится мягче. Это вовсе не приятная мягкость, а странная и тревожная. Она затягивает, стискивает. Я пытаюсь вскочить на ноги – не получается. Трепыхаюсь, чтобы скатиться на пол, – без толку! Остается только кричать. Я судорожно вдыхаю носом и открываю рот, но звук не идет наружу.

Я уже не в бабушкиной квартире. Кругом зеленеет ряска. Телу мокро, душно, и его тащит вниз. Я ничего не понимаю, а поняв, начинаю паниковать.

Я тону в болоте – вот что происходит! Увязла по грудь. Руки пока еще на свободе, но зацепиться не за что. Дергаюсь и лишь глубже ухожу в трясину. Со всех сторон издевательски горланят жабы. Мне бы их голосистость.

Над головой пролетает, трепеща, розовая ленточка. Почему-то я решаю: если ухвачусь за нее – выберусь. Лента сказочным змеем плавает по воздуху и дразнит меня. Опускается низко-низко, касается лба и взмывает вверх. Хочу схватить ее, но правая рука больше не поднимается, будто приросла к телу. Зачем я опустила ее в эту мерзкую, вязкую тину? Снова накатывает паника, но я стараюсь ровно дышать и не выпускать ленту из поля зрения. Розовый хвостик мелькает прямо перед носом, я делаю рывок и вцепляюсь в него левой рукой – крепко, как в последнюю надежду.

Спасена!

Спасена?

Лента обвивает кисть, ползет по предплечью, оттуда – на грудь. И выше. Холодный атлас касается шеи. Обхватывает ее, как чокер, и давит, давит. Я царапаю горло, пытаюсь сорвать удавку. Распахиваю рот, хриплю, и в глотку лезет осклизлая ряска...

Просыпаюсь в холодном поту. Солнечный луч щекочет нос. Уже утро.

Ну и приснится же!

Первым делом смотрю на стол, где вчера оставила свиток. Он на месте, ленточка тоже. Иронизирую над собой: ты что, правда думала, что лоскут атласа прыгнул на тебя и обмотался вокруг шеи?

Кстати, про шею. Почему ее так саднит? Я притрагиваюсь к коже кончиками пальцев и ощущаю бороздки. Похоже, я расцарапала себя во сне. Встаю и иду в ванную, чтобы оценить урон и помазать ранки санитайзером.

По стенам и полу щедро расплескано золото света. Паркетины мелодично поскрипывают под босыми ногами – это похоже на потустороннюю музыку. Такую могли бы слушать мертвецы в гниющих гробах.

М-да, прекрасные мысли для прекрасного утра.

Из зеркала выглядывает всклокоченное существо с воспаленными царапинами на шее. Жуть! Что скажет Крис? Надеюсь, она не подумает, что я занимаюсь селфхармом.

Я наношу на ранки антисептик и морщусь – кожа просто горит! Как же странно: чтобы избавиться от боли, нужно испытать другую боль. Пожалуй, это касается не только обработки ссадин, но и вообще всего.

Выхожу из ванной и, естественно, нос к носу сталкиваюсь с Крис. Она выглядит так, будто только что умылась свежей росой, а феи расчесали ей волосы. Я пытаюсь прикрыть шею рукавом пижамы. Напрасно.

– Божечки-кошечки! – Мачеха, схватив меня за плечи, крутит влево и вправо, как куклу. – Что это такое, Грипп?

– Да так. Случайно вышло. Мне снилось, что меня душат.

Крис цокает языком.

– Придется купить тебе рукавички-царапки, как младенцам.

Понятия не имею, о чем она, но предполагаю, что мачеха шутит, и натягиваю улыбку.

– Куда пойдем завтракать?

Заговорить про еду – верный способ сбить Крис с программы. Глаза у нее загораются азартным огнем, она летит за телефоном, быстро возвращается и перечисляет вариант за вариантом. Я выбираю местечко поближе к метро, чтобы потом найти предлог и улизнуть.

В кафешке много зелени, и это напоминает мне о квартире Бельенкой. Стряхиваю мысли о ней, как налипшие листья, и заказываю лавандовый раф, сэндвич с курицей и эклер. Быстро все уминаю и, нащупав в кармане толстовки свиток (на всякий случай я захватила его с собой), говорю Крис:

– Слушай, можно я в центр сгоняю? Ну просто погулять, познакомиться с городом.

– Да давай вместе махнем на «чайке», – предсказуемо отвечает Крис.

– Ну понимаешь... в общем... – Я старательно изображаю смущение: отвожу глаза и тереблю вихор на затылке. – Короче, я вчера в инете познакомилась с парнем, он позвал погулять... Это не свидание! – Я машу руками и округляю глаза. – Просто встреча. Попытка... эм-м... выйти из зоны комфорта. Ну, я схожу? Ты не против?

Крис аж сияет. А в следующий миг превращается в императрицу, раздающую указы, и отчеканивает:

– У меня в сумке хайлайтер. Иди в туалет, нанеси. Нет, ты не справишься. Пойдем вместе. Так! Еще нужны духи. Не спорь! Запах – это первое впечатление. У меня с собой ничего нет, но рядом парфюмерный, зайдем, что-нибудь подберем. – Она приглаживает мне вихры, внимательно оглядывает и заключает: – А в целом – очень даже ничего!

Все время, что Крис колдует надо мной в туалете кафе и магазине, я искусственно улыбаюсь и киваю, словно болванчик. Потом позволяю затолкать себя в маршрутку – мачеха утверждает, что так до Литейного добраться проще, чем на метро, – и отправляюсь в путь. Всю дорогу я слушаю подборку старого русского рока и украдкой нюхаю запястье. Стоит признать: Крис умеет выбирать духи. Кожа пахнет свежим, солоноватым, холодным морем.

В сад я попадаю на удивление быстро. Ворота закрыты, но стоит мне подойти, как калитка распаивается навстречу. Оттуда выбегает бойкая старушка в алом берете и устремляется вниз по проспекту. Я успеваю проскользнуть во двор. Пробегаю по анфиладе с колоннами и, немного поплутав среди деревьев и кустов, нахожу подъезд, над которым висит сатир. Он такой же, как на фото, – упитанный и недовольный.

– Э-эм, – говорю я, не зная, с чего начать.

Маска опускает на меня взгляд.

Я сжимаюсь и пячусь, не чувствуя ни ног, ни земли под ними. Единственное, что ощущаю, как испарина покрывает лоб. Каменные зрачки следуют за мной. Это происходит на самом деле? Истукан смотрит на меня?

– Да, смотрю, – произносит сатир. – И нет, я не умею читать мысли. Просто у тебя все на лице написано. Крупным шрифтом. Эх, думал, пришлют красотку. Как минимум. За все мои страдания. – Он вздыхает и закатывает глаза.

От маски к земле тянется серебристый дымок, и через мгновение передо мной появляется рогатое существо с мохнатыми ногами. Сатир полупрозрачен и мерцает, точно призрак, но быстро сгущается и становится совершенно реальным. Он с удовольствием потягивается и лупит воздух руками, выкрикивая: «Хе! Ха!» От резких движений подпрыгивает выпуклый живот и волосатая грудь ходит ходуном. Я понимаю, что сатир абсолютно голый, но, на мое счастье, шерсть на его ногах растет так густо, что заменяет штаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.